

И.В. Попов

**Учение блаженного
Августина о познании души**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 37-053.2
ББК 74.27я7
И11

И11 **И.В. Попов**
Учение блаженного Августина о познании души / И.В. Попов – М.: Книга
по Требованию, 2013. – 64 с.

ISBN 978-5-518-06970-1

Богословский вестник, 1916, н. 3-4, с. 452-493; н. 5, с. 37-56.

ISBN 978-5-518-06970-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2013

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2013

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

повидимому, совершенно излишнимъ. Изъ этихъ противорѣчій можно выйти лишь путемъ предположенія, что въ одномъ отношеніи мы знаемъ свою душу, а въ другомъ нѣтъ, и что, исходя изъ извѣстнаго, мы стремимся къ познанію неизвѣстнаго. Въ этомъ есть нѣкоторая аналогія съ припоминаніемъ, которое предполагаетъ, что часть забытаго еще не изгладилась изъ памяти: стараясь вспомнить забытое слово, мы знаемъ, чего ищемъ, слѣдовательно, не все здѣсь поглощено забвеніемъ. Отсюда, чтобы рѣшить проблему самопознанія нужно установить, что знаетъ о себѣ душа и чего не знаетъ, въ чемъ состоитъ ея всегдашнее самопознаніе и въ чемъ оно можетъ быть расширено. Такъ именно бл. Августинъ и поступаетъ. Весь матеріаль, относящійся къ данному вопросу, легко группируется въ двухъ отдѣлахъ: самопознаніе, какъ постоянный актъ ума, и самопознаніе, какъ нѣчто приобрѣтаемое. Матеріаль для разработки той и другой стороны проблемы былъ данъ неоплатонизмомъ. Когда бл. Августинъ старался распутать отмѣченныя выше противорѣчія, выходъ изъ затрудненія былъ подсказанъ ему ученіемъ Плотина, съ одной стороны, о самопознаніи человѣка на степени интеллектуальнаго созерцанія, когда, отрѣшившись отъ плоти, онъ становится чистымъ интеллектомъ, съ другой—о самопознаніи души или эмпирическаго человѣка, сущность котораго философъ полагалъ въ дискурсивномъ мышленіи. Бл. Августинъ открылъ въ обычномъ земномъ самопознаніи человѣка элементы, которые Плотинъ относилъ въ мистическую область интеллектуальнаго созерцанія, и поставилъ ихъ рядомъ съ тѣмъ, что признавалось въ Энеадахъ характерною особенностью самопознанія души. Первый элементъ служитъ выраженіемъ постоянного и непрекращающагося знанія души о себѣ самой, второй касается той стороны, которая допускаетъ возможность углубленія и расширения.

Ученіе Плотина о самосознаніи ума и души можетъ быть формулировано въ слѣдующихъ чертахъ.

Предметомъ мышленія можетъ быть или самъ мыслящій или нѣчто другое. Во второмъ случаѣ мыслящее и мыслимое раздѣлены самой своей субстанціей. Напротивъ, въ первомъ случаѣ гораздо больше единства въ мышленіи, потому что мыслящій, мыслимое и самое мышленіе здѣсь тожде-

ственны. Таково именно мышленіе ума ¹⁾. А отсюда вытекаеть, что, мысля себя самого, умъ мыслить и о томъ, что онъ мыслить, т. е. сознаеть не только свою сущность, но и свою энергію, проявляющуюся въ мышленіи. Въ трактатѣ, посвященномъ критикѣ гностицизма, Плотинъ между прочимъ доказываетъ, что можетъ быть только три начала—Единое, Умъ и Душа—и протестуетъ противъ раздѣленія Интеллекта на двѣ ипостаси, изъ которыхъ одна олицетворяетъ его мышленіе, а другая мышленіе о мышленіи. Такое раздѣленіе единого акта мышленія было бы равносильно душевной болѣзни даже у человѣка, хотя его дискурсивному разуму свойственно непрестанное движеніе отъ одного къ другому. Истинный интеллектъ, мысля себя самого, не можетъ не мыслить себя мыслящимъ. Слѣдовательно, онъ мыслить не только свое собственное содержаніе, но и самую дѣятельность мышленія. Онъ не только мыслить, но и знаеть, что мыслить ²⁾. Но возможно ли для существа въ высокой степени простого, какъ интеллектъ, обращаться къ себѣ самому, какъ объекту мышленія? Плотинъ полагаетъ, что именно простота интеллекта и есть непремѣнное условіе самосознанія. Наоборотъ, не слѣдуетъ думать, что болѣе благопріятнымъ условіемъ для этого служить сложность, позволяющая мыслящему одной своей частью познавать другую. Такая сложность исключала бы возможность самопознанія. Допустимъ, что интеллектъ одною своею частью познаеть прочія подобно тому, какъ посредствомъ зрѣнія мы воспринимаемъ форму и цвѣтъ своего тѣла. Но въ области чувствъ глазъ, видя прочія части тѣла, не видить себя самого. Если бы нѣчто подобное происходило и въ области ума, то часть его, познающая прочія части, не познавала бы себя и, слѣдовательно, умъ не познавалъ бы себя всецѣло ³⁾. Не можетъ служить выходомъ изъ затрудненія и то предположеніе, что интеллектъ состоитъ изъ совершенно одинаковыхъ частей, такъ что видящая часть ничѣмъ не отличается отъ видимыхъ и, слѣдовательно, видя

¹⁾ *Plotin. Enead. V, 6, 1. P. 341. V, 5, 1. P. 330—331.* Ср. наложенное ранѣе ч. II, стр. 67—69.

²⁾ *Ibid. III, 9, 1. P. 94—95.*

³⁾ *Ibid. V, 3, 1. P. 310. V, 3, 5. P. 313*

другія части, тождественныя себѣ, она видитъ косвеннымъ образомъ и себя. Но такого тождества между частями интеллекта не можетъ быть уже по самому предположенію, потому что созерцающее отличается отъ созерцаемаго. Какъ созерцающее могло бы познавать себя въ томъ, что имъ созерцается, но не созерцаетъ въ свою очередь? А если бы оно познавало себя не въ качествѣ созерцающаго, а въ качествѣ созерцаемаго, то познавало бы не всего себя. Въ созерцаемомъ оно не можетъ видѣть именно себя, какъ созерцающаго. Такимъ образомъ, сложность исключаетъ самопознаніе, и если интеллектъ познаетъ себя, то только благодаря своей простотѣ. Весь онъ есть актъ, энергія. Поэтому въ немъ тождественны умъ, мышленіе, и мыслимое. Если же мыслимое въ немъ тоже, что мышленіе, а мышленіе тоже, что онъ самъ, то мысля мыслимое, умъ мыслитъ свое мышленіе. Но такъ какъ въ умѣ мышленіе и мыслимое тождественны съ самой его сущностью, то, мысля свое мышленіе, онъ мыслитъ свою сущность ¹⁾. Интеллектъ знаетъ не одной своей частью всѣ другія, но всѣмъ своимъ существомъ всего себя ²⁾. Итакъ, самопознаніе интеллекта сводится къ познанію собственной дѣятельности, поскольку она проявляется въ мышленіи, а въ этой дѣятельности и своей сущности. Такъ какъ въ области интеллекта нѣтъ никакой переменны и послѣдовательности, то актъ его самопознанія является всегдашнимъ и непрерывно дѣлящимся. Наконецъ, какъ и всѣмъ вообще актамъ мышленія интеллекта, ему должно приписать несомнѣнность, обусловленную совпаденіемъ въ немъ познаваемаго и познающаго ³⁾. Всѣ эти черты ученія Плотина о самопознаніи интеллекта мы встрѣтимъ и въ учени бл. Августина о никогда не прекращающемся актѣ самопознанія.

Но самосознаніе по Плотину свойственно не только интеллекту, а и душѣ, какъ существенной части эмпирическаго чловѣка. Душа проявляется въ дискурсивномъ мышленіи, и она сознаетъ себя въ качествѣ такового. Она сознаетъ, что воспринимаетъ внѣшніе объекты, что судитъ ихъ на

¹⁾ Ibid. V, 3, 5. P. 313—314.

²⁾ Ibid. V, 3, 6. P. 314—315.

³⁾ Ibid. V, 3, 5. 6. P. 313—314.

основаніи правилъ, получаемыхъ отъ Интеллекта, что она зависитъ отъ Интеллекта и ниже его ¹⁾). Поскольку она мыслить о себѣ самой, она мыслить о рациональной природѣ. Самопознаніе души отличается отъ самопознанія интеллекта прежде всего свойственной дискурсивному мышленію перемежаемостью. Въ немъ нужно отличать мышленіе и воспріятіе мышленія. Мыслимъ мы всегда, но сознаемъ, что мыслимъ, не всегда ²⁾). Въ душѣ нѣтъ тождества между познающимъ и познаваемымъ, и не все ея содержаніе находится въ актуальномъ состояніи. Поэтому она можетъ имѣть и не мыслить о томъ, что имѣетъ. И при этомъ условіи обладаніе является даже болѣе полнымъ, чѣмъ въ томъ случаѣ, если оно сопровождается сознаніемъ. Когда душа мыслить о томъ, что имѣетъ, она рассматриваетъ это какъ нѣчто другое, отличное отъ нея. Если же она не видитъ того, что имѣетъ, то сама есть то, что имѣетъ ³⁾). Это подтверждается фактами обыденной жизни. Чѣмъ внимательнѣе относимся мы къ содержанію книги, тѣмъ менѣе сознаемъ, что читаемъ. Совершая подвигъ храбрости, человѣкъ обыкновенно не сознаетъ, что поступаетъ доблестно ⁴⁾). Душа есть логосъ всѣхъ вещей. Все умопостигаемое и чувственное находится въ ней, но содержащіяся въ ней логосы она мыслить не совмѣстно, а переходя отъ одного къ другому и рассматривая ихъ, какъ нѣчто отличающееся отъ нея ⁴⁾). Въ силу своей дискурсивной природы душа сознаетъ и себя не всегда, а лишь когда обращается къ себѣ самой. Второй чертой, отличающей самопознаніе души, служить недостатокъ въ немъ чистоты. Непосредственно душа относитъ къ своему существу и то, что ей не принадлежитъ, и только путемъ анализа внутренняго опыта и устраненія изъ него всего, не относящагося къ ея природѣ, она приходитъ къ познанію себя какъ дискурсивнаго мышленія. Для этого она должна мысленно отдѣлить отъ себя сначала тѣло потомъ пластическія силы, оживляющія тѣло, наконецъ, ощущеніе, похоть, гнѣвъ. Въ остаткѣ и получится дискур-

¹⁾ Ibid. V, 3, 4. P. 313.

²⁾ Ibid. IV, 3, 30. P. 219.

³⁾ Ibid. IV, 4, 4. P. 223.

⁴⁾ Ibid. III, 8, 5. P. 185.

сивное мышленіе, образъ ума ¹⁾. Такимъ образомъ, душа сознаетъ себя не всегда, а только когда обращается къ себѣ, но и въ этомъ случаѣ она не всегда сознаетъ себя чисто. Слѣдовательно, призывъ къ самопознанію, обращенный къ ней, исполнѣн умѣстенъ.

Какъ было сказано выше, бл. Августинъ совмѣстилъ въ своемъ ученіи о самопознаніи души то, что Плотинъ относилъ къ двумъ различнымъ началамъ—уму и душѣ ²⁾.

Самопознаніе, какъ постоянный актъ мышленія. Душа всегда и непосредственно сознаетъ себя въ своемъ бытіи и дѣятельности. По внутреннему и непосредственному самосознанію ей съ несомнѣнностью извѣстно, что она существуетъ, живетъ, мыслить, и это знаніе не допускаетъ никакихъ колебаній и неувѣренности ³⁾. Нашъ умъ знаетъ, что онъ познаетъ вещи, что многое ему извѣстно, а если такъ, то онъ знаетъ и себя самого въ качествѣ знающаго и мыслящаго ⁴⁾. Съ такой же очевидностью каждый сознаетъ состояніе своей воли и характеръ желаній, которыя его волнуютъ ⁵⁾. Строго различая вѣру, какъ совокушность истинъ, признаваемѣхъ безъ доказательствъ, и вѣру, какъ силу души, посредствомъ которой усвоится еще недоступное познанію ⁶⁾, бл. Августинъ отмѣчаетъ непосредственность сознанія вѣры, какъ душевнаго состоянія и настроенія. Самую вѣру, когда она наполняетъ нашу душу, мы видимъ въ себѣ, потому что вѣра въ отсутствующіе предметы присуща намъ, вѣра въ предметы, находящіеся внѣ насъ, находится въ насъ, вѣра въ невидимое видима намъ ⁷⁾. Такимъ образомъ, никто не сомнѣвается, что онъ существуетъ, живетъ, помнитъ, понимаетъ, желаетъ, размышляетъ, знаетъ, судить ⁸⁾.

Непосредственное познаніе бытія и дѣятельности ума отнюдь не является частичнымъ. Напротивъ, оно полно и цѣ-

¹⁾ Ibid. V, 3, 9. P. 317.

²⁾ Сравни. *H. Leder. Untersuchungen über Augustins Erkenntnisstheorie.* Marburg. 1901. S. 72—75.

³⁾ De lib arb. II, 7. Cp. I. 16. De Trinit. XV, 21.

⁴⁾ De Trinit. X, 5.

⁵⁾ De Trinit. XIII, 5.

⁶⁾ De Trinit. XIII, 5.

⁷⁾ De Trinit. XIII, 3. Cp. De fide rer. quae non vid. I.

⁸⁾ De Trinit. X, 14.

лостно. По внутреннему самоощущенію для каждаго ясно, что всѣ акты психической жизни принадлежатъ разумной душѣ въ ея цѣломъ, слѣдовательно, какой бы изъ этихъ актовъ ни служилъ предметомъ познанія, въ немъ познается не часть ума, а весь умъ. Нельзя сказать, что умъ въ одной своей части существуетъ и живетъ, въ другой не существуетъ и не живетъ. Бытіе и жизнь свойственны уму во всемъ его цѣломъ. Если умъ что-либо знаетъ, то знаетъ не частью своего существа, а всѣмъ своимъ существомъ, иначе пришлось бы допустить, что одну и ту же вещь умъ знаетъ одной своей частью и не знаетъ другой. Правда, умъ знаетъ не все, но что онъ знаетъ, то знаетъ весь. Вслѣдствіе этого, познавая себя въ качествѣ существующаго, живого, мыслящаго, стремящагося къ самопознанію, умъ познаетъ себя не отчасти, а цѣлостно¹⁾. Этому выводу не противорѣчить фактъ стремленія ума къ самопознанію, а напротивъ предполагаетъ его. Когда умъ охватываетъ желаніе познать себя самого, онъ уже знаетъ, что онъ есть умъ, иначе онъ не могъ бы знать, къ самопознанію ли онъ стремится. Было бы ошибочно далѣе признать, что умъ, направляя свою познавательную дѣятельность на самого себя, изслѣдуетъ тою своею частью, которую знаетъ, другія части, которыхъ еще не знаетъ, потому что въ этомъ случаѣ онъ изслѣдовалъ бы не себя самого, а только часть себя. Болѣе того, при только что допущенномъ предположеніи, вообще не могло бы возникнуть самопознанія. Въ самомъ дѣлѣ, часть ума, уже извѣстная ему, не имѣла бы пужды подвергать себя изслѣдованію. Но и та часть, которая еще остается ему неизвѣстной, не могла бы изслѣдовать себя, такъ какъ эта задача уже приписана извѣстной части. Если же ни та ни другая часть ума себя не изслѣдовала бы, то не изслѣдовалъ бы себя и весь умъ. Такимъ образомъ, когда умъ, стремясь къ самопознанію, изслѣдуетъ себя, то весь онъ изслѣдуетъ всего себя, и знаетъ всего себя какъ изслѣдующаго²⁾.

Данныя непосредственнаго самосознанія не могутъ подлежать сомнѣнію. „Никто не можетъ сомнѣваться, что онъ

1) Ibid. X, 6. De Genes. ad. litt. VII, 28. Рус. п. VIII, 88.

2) De Trinit. X, 6. Ср. X, 18.

живеть, помнитъ, желаетъ, размышляетъ, знаетъ, судить, потому что, если онъ сомнѣвается, то живеть, если сомнѣвается, съ этихъ ли поръ сомнѣвается, то помнитъ, если сомнѣвается, то понимаетъ, что сомнѣвается, если сомнѣвается, то хочеть увѣренности, если сомнѣвается, то размышляетъ, если сомнѣвается, то знаетъ, что не знаетъ, если сомнѣвается, то судить, что не должно соглашаться неосмотрительно¹⁾. Но знаніе, противъ котораго безсильно сомнѣніе, есть знаніе самое достовѣрное и совершенное, а такое знаніе предполагаетъ знаніе сущности познаваемого предмета. Такимъ образомъ, изъ факта непререкаемой достовѣрности актовъ непосредственнаго самосознанія бл. Августинъ дѣлаетъ заключеніе, что въ нихъ открывается самая сущность ума²⁾.

Причина безспорной достовѣрности самопознанія лежитъ въ томъ, что познающее и познаваемое здѣсь совпадаютъ и тождественны другъ другу по самой своей субстанціи. Въ развитіи этой неоплатонической мысли бл. Августинъ тѣсно соприкасается съ своимъ первоисточникомъ, хотя и присоединяетъ къ нему съ своей стороны новыя соображенія. Познать что-либо значить объять познаваемое своимъ умомъ. Только то можетъ быть познано, что находится въ умѣ. Но это условіе не можетъ быть выполнено съ надлежащей полнотой ни въ познаніи тѣлесной природы, ни въ познаніи Бога. Тѣла, которыя наша душа познаетъ посредствомъ чувствъ, находятся внѣ насъ. Реально, самой своей субстанціей, они не могутъ присутствовать въ умѣ. Чтобы познать ихъ, душа не можетъ унести ихъ съ собою въ свой внутренній міръ и помѣстить ихъ въ умѣ. Поэтому изъ своей субстанціи она создаетъ замѣщающіе ихъ образы и на нихъ собственно направляетъ свою познавательную дѣятельность³⁾. Но при такихъ условіяхъ, конечно, она познаетъ не вещи, а ихъ тѣни. Богъ реально присутствуетъ въ умѣ человѣка, но по Своей безконечности Онъ не можетъ быть всецѣло охваченъ ограниченнымъ человѣческимъ умомъ. Умъ нашъ не обнимаетъ Бога, а только касается Его. Отсюда несовершенство богопознанія⁴⁾. Въ самопознаніи же умъ не только

1) Ibid. X, 13.

2) Ibid. X, 16.

3) Ibid. X, 7.

4) Serm. CLVII, 3—5.

реально присутствуетъ въ себѣ самомъ, но и вполне обнимаетъ себя. Въ самомъ дѣлѣ, ничто настолько не присутствуетъ въ умѣ, когда онъ познаетъ вещи, насколько присутствуетъ самъ умъ. Потому то, познавая другое, онъ вмѣстѣ съ этимъ познаетъ и себя. Умъ изслѣдуетъ себя не какъ нѣчто отсутствующее, потому что познаваемое присуще уму, а умъ присущъ самому себѣ. Онъ находится въ себѣ самомъ нѣкоторымъ внутреннимъ, неподдѣльнымъ и истиннымъ образомъ, и ничто не присуще ему въ такой степени, какъ самъ онъ ¹⁾. Если въ изложенной группѣ мыслей дать себя чувствовать аргументація Плотина, то въ дальнѣйшемъ бл. Августинъ оригинальнѣй.

Въ объясненіи факта безспорной достовѣрности актовъ самосознанія онъ исходитъ еще изъ того принципа, что познаваемое находится въ познающемъ соотвѣтственно природѣ познающаго. Вещи матеріальной природы находятся въ душѣ въ болѣе совершенномъ видѣ, чѣмъ въ своей собственной субстанціи, такъ какъ ихъ образы, создаваемые душой, нематеріальны. Поскольку Богъ отображается въ познаніи, Онъ присутствуетъ въ познающемъ въ менѣе совершенномъ видѣ, чѣмъ въ Своей собственной субстанціи, такъ какъ Самъ Онъ неизмѣняемъ, а познаніе сотвореннаго существа измѣняемо. Но такъ какъ природа познающаго и познаемаго въ актѣ самопознанія ума одна и та же, то умъ находится въ познаніи не въ менѣе и не въ болѣе совершенномъ видѣ, чѣмъ въ себѣ самомъ ²⁾.

Въ ученіи бл. Августина о непосредственномъ самосознаніи воспроизводится, такимъ образомъ, почти все то, что было приурочено Платиномъ къ самопознанію интеллекта. Христіанскій мыслитель перенесъ недопускающій сомнѣнія моментъ самопознанія изъ трансцендентной области въ сферу реальныхъ переживаній личности. Помимо аналогій въ мысляхъ слѣдъ зависимости отъ Платина сохранился даже въ самой фразеологіи Августина. Отъ вниманія читателя, вѣроятно, не укрылось, что во всѣхъ буквальныхъ выдержкахъ, приведенныхъ подъ строкой, рѣчь идетъ не о самопознаніи души, а о самопознаніи именно ума, хотя имѣютъ

¹⁾ De Trinit. X, 16. X, 10. X, 5. XIV, 7. Cp. 8. VIII, 9.

²⁾ Ibid. IX, 4. Ibid. IX, 16.

ся въ виду не только акты умственной дѣятельности, но и проявленія души какъ таковой. Мы разумѣемъ сознаніе жизни, а душа и жизнь въ сочиненіяхъ бл. Августина—выраженія взаимозамѣнимыя. Поэтому, говоря о самопознаніи ума, онъ пользуется болѣе узкимъ терминомъ, чѣмъ сама мысль, влагаемая въ него. Такое явленіе находить для себя естественное объясненіе въ зависимости отъ терминологіи первоисточника.

Приобрѣтаемый элементъ самопознанія. Хотя умъ познаетъ себя непосредственно со стороны своего бытія и дѣятельности, хотя это познаніе цѣлостно и касается самой сущности познаваемаго, однако, призывъ мудреца къ самопознанію не напрасенъ, потому что, всегда сознавая себя въ своихъ актахъ, умъ не всегда мыслить о себѣ, а когда мыслить, то мыслить не всегда въ достаточной степени чисто, наконецъ, познавая непосредственно свою сущность и дѣятельность, умъ не познаетъ объема своихъ силъ. Съ этихъ трехъ сторонъ и возможно расширеніе и углубленіе самопознанія. Въ развитіи перечисленныхъ мыслей бл. Августинъ пользуется ученіемъ Плотина о самопознаніи души.

Существуетъ большое различіе между знаніемъ (*nosse*) и размышленіемъ (*cogitare*). Не все, извѣстное намъ, служить въ каждый данный моментъ предметомъ нашего размышленія. Приобрѣтенныя знанія сохраняются въ памяти, иногда долгое время не входя въ свѣтлое поле сознанія. Возьмемъ въ видѣ примѣра ученаго, хорошо освѣдомленнаго въ нѣсколькихъ наукахъ—въ геометріи и музыкѣ. Мысль его не можетъ быть занята одновременно и тою и другой наукой. Когда онъ производитъ свои изслѣдованія въ области геометріи, то не думаетъ о музыкѣ и обратно. Однако, нельзя сказать, что онъ не знаетъ, не понимаетъ и не любитъ музыки, когда занимается геометріей. Онъ знаетъ музыку и въ это время, но не дѣлаетъ ее предметомъ своего размышленія¹⁾. Такое явленіе свойственно и самопознанію. Съ каждымъ актомъ психической жизни и умственной дѣятельности связано самоощущеніе души. Вслѣдствіе этого душа всегда знаетъ себя, но она не всегда о себѣ думаетъ. Занятая вещами, находящимися внѣ ея, поглощенная заботами

¹⁾ Ibid. XIV, 9. Cp. 8. X. 7.

о своемъ тѣлесномъ благосостояніи, она отдаетъ все свое вниманіе тому, что не относится къ ней самой. Размышляя о всемъ прочемъ, она не думаетъ только о себѣ. Такимъ образомъ, она всегда знаетъ себя всегда помнить о себѣ, всегда любить себя, но не всегда о себѣ размышляетъ ¹⁾. Когда Св. Писаніе и философія призываютъ человѣка къ самопознанію, онѣ приглашаютъ его чаще и продолжительнѣе думать о себѣ ²⁾.

Для того, чтобы сущность ума, могла стать предметомъ мышленія, необходимо, чтобы она оказалось въ полѣ зрѣнія самого ума. Когда умъ размышляетъ о себѣ самомъ, онъ полагаетъ себя предъ своимъ взоромъ. Происходитъ какъ бы нѣкоторое раздвоеніе одной и той же простой и недѣлимой сущности. Фактъ этотъ повергаетъ бл. Августина въ величайшее недоумѣніе. Стараясь, подобно Плотину, объяснить самый процессъ саморазмышленія, онъ тщательно устраняетъ отсюда всѣ чувственныя и пространственныя аналогіи. Органъ чувственного зрѣнія, глазъ, видитъ другіе глаза, но не видитъ себя самого, если только не смотрится въ зеркало. Ничего подобнаго не можетъ быть въ самопознаніи. Умъ находится въ своемъ познаніи не въ видѣ образа, а реально, самой своей субстанціей, слѣдовательно созерцающая себя, онъ видитъ не свое отраженіе, а именно себя самого ³⁾. Онъ не познаетъ также одной своей частью другія, подобно тому, какъ глаза, не видя самихъ себя, осматриваютъ прочіе члены тѣла. Нельзя также думать, что душа раздвояется и одна часть ея становится созерцающей, а другая созерцаемой ⁴⁾. Изъ изложеннаго мы видимъ, что бл. Августинъ перечисляетъ тѣ самыя точки зрѣнія въ вопросѣ о самопознаніи, которыя были намѣчены Плотиниомъ, и отвергаетъ ихъ съ такою же рѣшительностью, какъ и неоплатоникъ. Но его собственное рѣшеніе вопроса значительно отклоняется отъ теоріи Плотина и приближается къ аристотелевской. Объясняется это, какъ и въ трактатѣ объ оцущеніи и памяти, задачами сочиненія *De Trinitate*, кото-

¹⁾ Ibid. XIV, 8. X, 9.

²⁾ Ibid. X, 7.

³⁾ Ibid. XI, 5. V, 8. X, In Ev. Ioan. Tr. XLVII, 3.

⁴⁾ Ibid.